

**СТАТИЧНОСТЬ VS. МОБИЛЬНОСТЬ:
«ПРОСТРАНСТВО» И «МЕСТО» ГОРОДСКОГО ТЕКСТА
(СЛУЧАЙ ЕРЕВАНА)**

А. А. Абрамян, Г. А. Шагоян

Институт археологии и этнографии НАН РА,
Армения, 0025, Ереван, ул. Чаренца, 15
Поступила в редакцию 01.05.2025 г.
Принята к публикации 15.07.2025 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-4-8

Любой город хранит скрытые смыслы, связанные с его историей, преднамеренными или непреднамеренными замыслами строителей, репрезентациями власти и практиками обитателей, выявляющими архаические или псевдоархаические элементы в структуре города. В центре внимания статьи — Ереван как пространство множественных символических наслоений, конфликтов и переозначиваний. Авторы прослеживают, как в армянской столице на протяжении XX и XXI веков происходило целенаправленное вытеснение одних знаков другими — от сноса религиозных и советских архитектурных объектов до топонимических трансформаций. Анализируя примеры переименования улиц, авторы выявляют, как идеологические стратегии проявляются как в государственных инициативах, так и в локальных коммерческих названиях.

Особое внимание уделяется протестным движениям (с 1988 по 2022 год), в которых улица выступает как пространство артикуляции коллективной субъектности. Методологически работа опирается на семиотику пространства, антропологию города и теорию репрезентации (в том числе А. Лефевра), рассматривая, как материальные и символические практики конфликтуют, сосуществуют и формируют «место» в антропологическом смысле. Статья предлагает интерпретацию Еревана как живого городского текста, где каждое переименование и протестное действие — это борьба за право на значение.

Ключевые слова: Ереван, переименование, пространственная репрезентация, протестные движения, семиотика города, символическая трансформация, топонимия

1. Переименование и перестраивание: слово и дело

Несмотря на то что Ереван нередко позиционируется как один из древнейших городов мира — его мифологическое родословное древо восходит к урартской крепости Эрбуни, основанной в 782 году до н. э. и служащей истоком как топонима, так и городского нарратива, — пространственная практика в армянской столице демонстрирует устойчивое стремление к разрыву с материальными следами прошлого. Архитектурные структуры, даже имеющие историческую ценность, чаще подвергаются демонтажу или полной трансформации, нежели рестав-

рации. Семиотически это указывает на преобладание режима «стирания» в городском тексте, где каждое новое архитектурное высказывание преднамеренно вытесняет предшествующее. В советскую эпоху объектом подобных стираний становились прежде всего религиозные символы — церкви, часовни, монастыри.

В постсоветский период, напротив, вектор десакрализации сместился в сторону гражданской архитектуры, однако логика культурного обновления осталась прежней. Даже фигура Александра Таманяна, канонизированного как создателя «современного» Еревана, не избежала участия в этом дискурсе вытеснения: ради возведения здания оперы он снес средневековую часовню, мотивируя это созданием советского «храма» песни на месте древнего, якобы языческого храма песни. Его действия были не реакцией на идеологию, а выражением своего рода археологического мифа, оправдывающего разрушение созданием «новой архаики» (см.: Абрамян 2023; Abrahamyan 2018; 2021). В этом контексте особенно заметен глубокий разрыв между *словом* и *делом*: на уровне *слова* город артикулируется как древний, сакрализированный, исполненный памяти, тогда как на уровне *дела* — материальной архитектурной практики — происходит систематическое вытеснение подлинного прошлого. Таким образом, в городской семиосфере Еревана наблюдается конфликт между вербальной памятью — символическим подчеркиванием древности и исторической преемственности — и материальной амнезией, проявляющейся в исчезновении физических носителей памяти. Парадоксально, но новая архитектура зачастую воспроизводит утраченные смыслы в форме симулякра: так, городской бульвар, известный как «Северный проспект» (открыт в 2007 году), соединяющий по диагонали две главные площади города — площадь Свободы и площадь Республики, — сильно отличается от проспекта, намеченного Таманяном, или ресторан «Старый Эриван» с его стилизованной, псевдоисторической и псевдоэтнографической атрибутикой становится подменой утраченному подлинному, имитируя традицию и одновременно замещая ее (Абрамян 2010, с. 249; Abrahamian 2012, р. 254).

Противопоставление *слова* и *дела* проявляется в Ереване не только в отношении физического уничтожения архитектурного наследия, но и в более символических стратегиях — в частности, в практике переименования¹. Здесь уровень *слова* систематически вытесняет уровень *дела* (материальности): топонимическая замена становится предпочтительной формой действия, особенно в тех случаях, когда переименовать проще (и политически эффективнее), чем физически преобразовать городское пространство. После обретения независимости в 1991 году процесс переименования в Ереване приобрел особый характер, указывающий на глубинные механизмы формирования национального нар-

¹ О переименовании см. подробнее: (Abrahamian 2006, р. 45–62; Абрамян 2010, с. 249–261; Abrahamian 2012, р. 255–266; Manucharyan 2015; Dieterich et al. 2024).

ратива. В отличие от Москвы, где возвращение дореволюционных названий сигнализировало ностальгию по досоветской эпохе, ереванская модель апеллирует к значительно более древнему слою — к пятому веку, Золотому веку армянской культуры (ср.: Kharatyan, Shagoyan 2022, p. 7).

Специальная комиссия, созданная в 1991 году и включавшая историков, филологов, этнографов, осуществляла переименование не просто как акт отказа от коммунистического прошлого, но как попытку сконструировать устойчивые семантические параллели. Проспект Ленина (а ранее — Сталина) был переименован в проспект Маштоца еще в 1990 году — в честь создателя армянского алфавита. Соответственно, примыкающая улица Кирова, названная в честь политического соратника советских вождей, стала улицей Корюна — ученика и биографа Маштоца. В подобной логике и улицу Амиряна, пересекающую проспект Маштоца ближе к его началу, хотели переименовать в улицу царя Врамшапуха — покровителя проекта создания алфавита, однако мэрия отклонила это предложение (Aghbalyan 2017). Существовало мнение, что переименование тем не менее имело место, но впоследствии первоначальное название было возвращено, причем не из-за идеологического возврата к советскому канону (Амирян был одним из 26 бакинских комиссаров), а, как предполагалось, из-за персидскости нового имени (царь этнически был персом) или же его неблагозвучности для туристического восприятия. Более того, в публичном пространстве даже циркулировала версия, будто улица переименована в честь брата Амиряна — антикоммуниста и националиста, что придавало топониму дополнительную амбивалентность.

Три ключевые фигуры — Маштоц, Корюн и Врамшапук — стали не только топонимическими, но и визуальными актантами городской семиосферы. Их образы зафиксированы в памятниках и скульптурных группах, формирующих семантический каркас Еревана как «города слова»¹. В 1967 году памятник Маштоцу и Корюну (скульптор Г. Чубарян) был установлен у Матенадарана — хранилища древних рукописей, также носящего имя Маштоца, ниже которого тянется проспект, сегодня также носящий его имя. Тем самым утверждается (на уровне *слова* — наименования) концепция, согласно которой армянская письменность является продуктом исключительно интеллектуального усилия, абстрагированного от религиозного и политического контекста. Визуальное и пространственное доминирование Маштоца закрепляется и в том, что в 1962 году был демонтирован монумент Сталина, ранее «властвовавший» над этим участком города (Абрамян 2003, с. 29). Позднее исчез и профиль Ленина, выложенный из лампочек на склоне холма выше Матенадарана и доминировавший над проспектом, уже имени Ленина, в ночное время, — еще одно знаковое исчезновение *дела*, замененного новым *словом*.

¹ О переинтерпретации памятника на переименованном месте см.: (Абрамян 2003, с. 37–44; Абрамян 2010, с. 267).

Таким образом, Маштоц в городской мифологии «одерживает победу» над советскими вождями — сначала символическую, затем пространственную, а затем и ономастическую. Это хороший пример того, как «репрезентации пространства» (манифестация властной идеологии) и «пространственные репрезентации» (переживаемое пространство, наполненное символами, образами, созданными снизу), согласно Анри Лефевру, не только существуют одновременно, но могут вступать в конфликт (2015, с. 47). Победа интеллектуала над диктатором хорошо вписывается в идеологему «оттепельной» эпохи и постсоветской романтизации интеллигенции. Однако за этим нарративом скрывается искажение: в действительности Маштоц реализовывал проект, инициированный католиком Сааком Партевом, а сам проект был бы невозможен без политической поддержки царя Врамшапуха. Тем не менее в советское время сакрализировать фигуру духовного лидера или царя было невозможно, и потому именно Маштоц был символически монополизирован в роли культурного героя.

Лишь в 2002 году увеличенная копия скульптурной группы Маштоц — Саак Партев, созданной еще в 1943 году скульптором Ара Саргсяном, была установлена перед зданием государственного университета. Но даже эта парная композиция не передает всей полноты исторического участия, поскольку фигура царя вновь остается в тени. Между тем триада «царь — католикос — интеллектуал» дважды предлагалась на конкурсах по установке нового монумента на месте снесенного памятника Ленину на площади Республики (бывшей Ленина). Эта триада воспринимается как идеальная модель национально-государственного становления, в которой *дело* (политическая и духовная организация) неразрывно связано со *словом* (символическим производством, письмом, культурой).

В постсоветском Ереване процессы переименования городского пространства демонстрируют сложное взаимодействие между официальными инициативами и частными практиками. Официальные переименования, инициированные государственными структурами, как уже говорилось, стремились утвердить национальную идентичность, заменяя советские топонимы на имена, связанные с армянской историей. Однако на уровне частного бизнеса наблюдается противоположная тенденция. Многие владельцы магазинов, кафе и ресторанов выбирают названия, ориентированные на западные или глобальные ассоциации, такие как «Европолис», «Манхеттен» или «Монако». Эти наименования отражают стремление к модернизации и интеграции в глобальное сообщество, противостоя националистическим инициативам сверху (Babayan 2020). Как отмечают исследователи Арутюн Вермишян и Сарбуи Мичикян, в постсоветском Ереване наблюдается коммерциализация городского пространства, где частные интересы нередко преобладают над официальными идеологическими проектами (Vermishyan, Michikyan 2020, p. 9–13; ср.: Bayadayan 2007).

Таким образом, в городской семиотике Еревана проявляется напряжение между «словом» официальной политики и «делом» частной

инициативы. Официальные переименования стремятся закрепить определенную историческую память, в то время как частные наименования отражают современные экономические и культурные ориентиры. Это противоречие подчеркивает сложность формирования единой городской идентичности в условиях постсоветской трансформации (ср.: Баядян 2020, р. 247–283).

2. Протестные акции в структуре города: место и путь

Протестные акции, возникая в контексте городской среды, обнажают те структурные особенности города, которые в повседневной ситуации остаются незаметными. Событие протеста вводит в городской текст элемент напряжения, благодаря которому пространство раскрывается не столько как фон, сколько как активный участник политического действия. В этом смысле центральная площадь оказывается не просто геометрическим или административным центром, а именно «местом» в антропологическом смысле (см.: Лоу 2024) — устойчивой точкой символической и телесной концентрации. Архитектурно и функционально такие площади чаще всего изначально проектируются или впоследствии переосмысляются как пространства, способные вместить массовое присутствие, коллективное высказывание, визуальное и телесное утверждение политической воли.

Именно поэтому площадь, будучи «местом», играет роль сцены, где сталкиваются различные нарративы власти и сопротивления (Low 2000, р. 183–186). Однако протест, даже если он сосредоточен на площади, всегда предполагает элемент движения — шествие, марш, колонну — и тем самым вводит в городскую ткань категорию «пути». В отличие от места, путь не фиксирован, он прорывает устойчивость, соединяет разнородные точки, делает движение значимым жестом. Путь, по которому движутся протестующие, временно переопределяет улицы, перекрестки, мосты — те фрагменты города, которые в обычных условиях функционируют как транспортные или утилитарные элементы (ср.: Sheller, Urry 2000, р. 750–751). Таким образом, в ходе протестной акции город перестает быть просто пространством и превращается в тектонику соотношений между «местами» и «путями», где организованность и импровизация, центр и траектория, статичность и динамика вступают в острое семиотическое взаимодействие.

Протестная динамика, развернувшаяся в Ереване в феврале 1988 года, отчетливо проявила дуальность «места» и «пути» в структуре городской политической активности¹. Центральным эпизодом стал сбор многотысячной толпы на Театральной площади перед зданием Оперного театра — в пространстве, впоследствии получившем имя Площади Свободы. Это не просто топонимическое переименование, а превращение нейтрального культурного центра в символическое «место» выра-

¹ О динамике протестов в Ереване см. подробнее: (Abrahamian, Shagoyan, 2020).

жения воли, сопряженной с исторической миссией — началом Карабахского движения¹. С этого момента площадь стала основным очагом гражданского самовыражения, функцией которого ранее она не обладала в столь явной степени.

Этот переход от повседневного городского пространства к пространству политического означивания зафиксировал изменение роли площади как «места» — локуса, в котором сосредоточивается и закрепляется коллективная энергия. Как отмечает Крессвелл, «место» становится значимым либо через наш повседневный воплощенный опыт и привязанности и связи, которые мы формируем с местами, либо через часто политизированные дискурсы, которые также определяют значение места (Cresswell 2004, р. 8–12). Однако протест, даже будучи сконцентрированным в этом символическом центре Еревана, не был статичным. Еще ранее, в 1965 году, годовщина Геноцида армян стала поводом для первой в советском Ереване массовой мемориальной демонстрации, структура которой выявила латентные маршруты сопротивления. Движение людей в тот день развернулось по каноническому парадному маршруту, но в инверсии: путь шествия проходил от площади Ленина (ныне площадь Республики) по главному проспекту в направлении, противоположном установленному советскими ритуалами.

Таким образом, «путь» в этом контексте функционировал как форма сопротивления, как переосмысление господствующих символических траекторий. Он оспаривал заданную семиотику власти, демонстрируя, что топография протеста может не только подчиняться структуре города, но и пересобирать ее, создавать собственные знаковые маршруты. Вечернее стечение людей на Театральной площади — вне официальной церемонии — дополнительно подчеркнуло рождение нового «места» в урбанистическом и политическом воображении Еревана: пространства, где «путь» завершает свое движение актом коллективного телесного и символического присутствия.

В период Карабахского движения (1988–1990) топология ереванского протеста приобрела отчетливую структурную артикуляцию: город как бы сам заговорил через расщепление своих пространств на осмысленные оппозиции. В семиотическом ландшафте Еревана особенно выразительно проявилось различие между «местом» и «путем» как двумя основополагающими режимами городской символики. Центр города, спланированный Александром Таманяном, изначально содержал два ключевых узла — площадь Ленина и Театральную площадь. Эти пространства имели различное функциональное и семантическое предназначение: первая служила официальным «местом» власти, институализированной и закрепленной в материале — с правительственными зданиями, памятником Ленина и трибуной для партийной элиты; вторая — Театральная площадь — была проектирована как культурное «место», потенциально открытое для коллективных действий, но до 1988 года оставалась скорее пустым геометрическим центром без значимой социополитической нагрузки.

¹ О Карабахском движении см.: (Sargsyan 2018; Malkasian 1996; Abrahamian 2001).

Всплеск протестной активности преобразил эту конфигурацию. Театральная площадь (впоследствии — Площадь Свободы) стала настоящим «местом» народного выражения, закрепив за собой статус эпицентра гражданской мобилизации. «Место», где сошлась лефевровская триада: воспринимаемое — задуманное — переживаемое пространство (Лефевр 2015, с. 47). Пространство, задуманное как сцена культурного представления, было переозначено как сцена политического действия — не по распоряжению сверху, а в результате телесной и символической практики митингующих. Площадь Ленина, напротив, была сознательно исключена из маршрутов протеста, что топографически зафиксировало разрыв между «местом» власти и «местом» народа. Иногда протестующие временно отправлялись туда, чтобы акцентировать силу «народной» площади или противопоставить два символических регистра в визуальном жесте (например, через соперничество новогодних елок — государственной и народной).

Ситуация усилилась в постсоветские годы: уже в 1996 году город оказался расщеплен на две символические зоны — президент Левон Тер-Петросян пытался мобилизовать электорат через «место» власти, организуя митинг советского типа на площади Республики (бывшей площади Ленина), тогда как его оппонент Вазген Манукян активировал «путь» памяти, возвращая протест в пространство Площади Свободы. Это дихотомическое противопоставление повторилось и в 2007 — 2008 годах: протест вновь собрался на Площади Свободы, тогда как провластные митинги проходили на площади Республики. И здесь особенно значимо появление «пути» — Северного проспекта, спроектированного еще Таманяном, но физически реализованного только в 2007 году (подробнее см.: Vermishyan, Michikyan 2020). Именно по нему происходило символическое перетекание телес протестующих — участники, привезенные на автобусах из провинций, переходили от «места» власти к «месту» протеста, интуитивно следуя линии, разделяющей и одновременно соединяющей две версии политического центра. Этот путь стал медиатором между структурами и функциями, телами и пространствами, между авторитарным сценарием и спонтанной репрезентацией.

В рамках семиотики городского пространства, измерение численности участников протестов приобретает значение не просто статистического показателя, а инструмента символического соперничества между «местами». Каждое массовое собрание, будь то санкционированное или спонтанное, начинает не только занимать пространство, но и производить его заново через численность тел, плотность телесной массы, направленность движения. В контексте «соревнования площадей» между Площадью Республики и Площадью Свободы численность становилась семантическим ресурсом — именно через нее происходило маркирование легитимности, поддержки, правды.

Обе стороны — власть и оппозиция — активно манипулировали этой численностью: власть занижала, оппозиция завышала, и эти числовые стратегии дополняли пространственные. Но решающим жестом,

разорвавшим привычную структуру, стал момент, когда путь победил место. Это произошло 7 ноября 1988 года, в день последнего советского парада в Ереване. Площадь Ленина была, согласно ритуальной логике советского государства, конечной точкой шествия, пространственным воплощением власти, к которому должна стекаться энергия демонстрации. Однако протестная семиотика переопределила это направление.

Услышав знакомые позывные трубы — акустический сигнал, который обычно начинал и завершал митинги на Театральной площади, — участники официального парада инстинктивно развернули свое движение. Вместо завершения маршрута на площади власти они покинули ее, превратив движение в отказ. Начавшись как путь в направлении центра, парад обернулся исходом: людская масса устремилась к Театральной площади — «месту», которое приобрело статус настоящего центра. Таким образом, путь как динамическая форма сопротивления деконструировал топографическую и идеологическую структуры власти. Коммунистическая элита осталась на трибуне, изолированная и символически маргинализированная, в то время как коллективное тело народа переместилось к другому полюсу городской символики — Площади Свободы. Этот поворот пути обозначил не только изменение траектории, но и разрыв с прежним порядком — власть осталась в «месте власти», но без людей, тогда как народ использовал «путь», чтобы утвердить «место народа».

Даже в тех случаях, когда протестные шествия регулярно организовывались по различным маршрутам, они в конечном счете всегда завершались на площади — становились неподвижными, закреплялись в определенной точке. Путь как динамическая форма выражения несогласия неизменно стремился обрести место — устойчивую, локализованную форму политического присутствия. Однако эта остановка не означала прекращение движения — напротив, она означала его кристаллизацию. Протест останавливался не потому, что иссякал, а потому что достиг идеального места, в котором его сила могла быть наиболее ощутимой и видимой.

Карабахское движение, как известно, стало возможным в рамках политики гласности, провозглашенной Михаилом Горбачёвым. В армянском языке термин «гласность» переводится как *hraparakaynutyun*, и корень этого слова — *hraparak* — буквально означает «городская площадь». Таким образом, связь между публичным высказыванием и городским пространством была не только метафорической, но и лексически-этимологической. Гласность становилась «площадностью» — выражением мнения, укорененным в конкретном месте. Пространство Театральной площади, таким образом, не просто принимало на себя функцию арены для высказывания — оно становилось самым высказыванием. Можно было судить о степени свободы в обществе, глядя на то, что происходило на этой площади (Abrahamian 1990a, p. 74–75).

Этот пространственный символизм породил своего рода борьбу не столько с движением как процессом, сколько с местом как его воплоще-

нием. Театральная площадь, символ Карабахского движения, стала объектом давления, поскольку в логике властей, как и в логике любого идеологического режима, противодействие чуждой идеологии трансформируется в борьбу с пространством, с которым она ассоциируется. Удары наносились по месту: летом 1989 года на площади внезапно начались строительные работы, назначение которых осталось неясным (Abrahamian 1990b, p. 47); в 2008 году было инициировано долгое строительство подземной парковки, по сути, направленное на нейтрализацию символической силы площади.

Такая стратегия маскировалась под заботу о благоустройстве, но воспринималась как попытка стереть политически заряженное место. На это откликнулась ироническая реакция со стороны протестующих: во время одного из митингов было зачитано якобы коллективное письмо от жителей отдаленного района города с просьбой провести у них акцию протеста — чтобы и в их квартале, наконец, начались столь желанные улучшения городской инфраструктуры. Эта насмешка обнажала парадокс: место, обладающее политической значимостью, привлекало к себе ресурсы, в то время как деполитизированные пространства оставались забытыми, напоминая идею трансгрессии места Кресвелла, когда обычные, невыделяющиеся пространства становятся значимыми за счет того, что в них происходит политическое действие — они превращаются в арену борьбы за значения (Cresswell 1996, p. 175–176). Таким образом, путь протеста вновь замыкался на место — но теперь место становилось точкой напряжения между властным контролем и гражданской инициативой.

В контексте пространственной организации города протестные акции проявляют устойчивую привязку к центру, а не к периферии. Попытки властей перенести массовые митинги в отдаленные, менее значимые части города повторялись неоднократно, однако оппозиционные лидеры всякий раз отказывались от такого предложения. Этот отказ объясняется не только соображениями безопасности — ведь протест на периферии мог бы быть изолирован и подавлен без широкой огласки, — но также и глубинной логикой самого движения, направленного к центру. Протестный путь почти неизбежно тянется к центральному месту — символу власти, легитимности и публичности. В этом проявляется не просто физическое стремление занять знаковое пространство, но и социальное притяжение к месту, которое конституирует политическое.

Подобная центростремительность протестных акций вообще характерна для городов — ср. исследование связи между характеристиками застроенной среды и пространственным распределением более трехсот протестов, которые произошли в Гонконге с июня 2019 года по январь 2020 года (Wu et al. 2023).

Тем не менее в Ереване был один устойчивый прецедент отхода от главного протестного узла — Площади Свободы — в сторону другого значимого места: площадки перед Матенадараном, хранилищем древнеармянских рукописей. Этот переход, вызванный тем, что Площадь

Свободы была временно недоступна, нельзя считать отступлением: скорее, он представляет собой смещение протестного вектора от народного к духовному центру, где историческая и культурная память получает физическое воплощение (Abrahamian 2006, p. 237–238). Таким образом, путь протеста все равно устремлен к смыслонасыщенному месту, пусть даже оно и не является административным или политическим центром.

Матенадаран, возвышающийся на холме в северной части центра города, стал своего рода альтернативным акрополем, куда восходит протест, чтобы придать своему содержанию не только политическую, но и культурную легитимность. Его выбор в качестве места массового собрания подтверждает, что протест — это не просто движение от точки А к точке В, но и попытка занять определенную позицию в городском и символическом ландшафте. Даже в момент смены локации путь все равно подчиняется логике центростремительности: в нем стремление к месту не ослабевает, а лишь меняет направление — от центра политического к центру культурному.

Некоторые формы протестной активности в Ереване разворачиваются вне традиционного центра, однако при этом сохраняют ключевую характеристику — статичность. Эти протесты не предполагают постоянного движения по городскому пространству, а концентрируются в определенных точках, превращая их в узлы сопротивления. Одним из наиболее значимых примеров такого типа является акция в общественном парке Маштоца зимой 2012 года (парк получил это имя, так как примыкал к проспекту Маштоца), когда активисты на протяжении примерно 80 дней препятствовали трансформации парка в рыночную зону. Хотя протест происходил за пределами привычных политических центров, он репрезентировал стремление сохранить конкретное место — зеленую зону как элемент публичного городского пространства, противопоставленный коммерциализации. Здесь протест не двигался к центру, а, наоборот, утверждал ценность места, которому угрожала утрата. В постсоветской городской концепции парки властями часто воспринимались как «пустующие / свободные места» (ср. с концепцией *placelessness*: Relph 1976, p. 79–121), которые нужно заполнить. Превращение «пустующего пространства» в «место» чаще всего осуществлялось в рамках ее коммерциализации — строительством магазинов и / или кафе, тогда как для городских активистов приватизация пространства превращала его из публичного «места» в обезличенное «пространство» торговли. Но сам акт борьбы превратил прежде незаметный парк в «место» как на топографической карте города, так и в символической топографии протестного движения и поводом для актуализации понятия «публичного пространства» в контексте города (ср.: Mitchell 1995; Желнина 2014). «Парк Маштоца» стал не только локусом, где время от времени могли проходить акции публичных дискуссий (как во время протестного движения против повышения цен на тарифы городского транспорта), но и «местом памяти» протестного движения в значении Пьера Нора (1999).

Другим выражением статичной формы протеста было длительное перекрытие важнейших городских артерий, таких как проспект Маршала Баграмяна, что нарушало транспортную логику города. Эти акции, как правило, вызывали быструю реакцию властей и заканчивались силовыми разгонами: в 2004 году — в связи с требованием вынесения вотума недоверия президенту Роберту Кочаряну, в 2015 — в ходе акции «Электрический Ереван», выступавшего против повышения цен на электроэнергию, и особенно драматично в марте 2008 года, когда в ходе поствыборных протестов против победы Сержа Саргсяна произошли столкновения со стрельбой на поражение, унесшие жизни десяти человек.

Продолжительность подобных протестов прямо зависела от функционального значения занятого пространства. Так, Карабахские протесты на Площади Свободы могли длиться с перерывами около девяти месяцев, поскольку сама площадь не являлась ключевым элементом транспортной инфраструктуры. В свою очередь, протест в парке Маштоца затянулся на почти три месяца, что стало возможным благодаря его относительной изоляции от потоков повседневной городской жизни. Однако акция «Электрический Ереван», затруднившая работу одной из главных магистралей, смогла продержаться лишь около двадцати дней. Таким образом, выбор места как конечной точки протестного пути становится определяющим фактором его продолжительности и устойчивости: протест, развернутый в узловой точке городской логики, сталкивается с более быстрым и жестким ответом со стороны властей. Именно здесь, в напряжении между значением места и направлением протестного пути, наиболее отчетливо проявляется политическая топография города.

В отличие от преимущественно статичных форм протестной активности, характеризующихся закреплением в конкретных местах и протяженным временным присутствием, другая категория протестов в Ереване строилась вокруг движения, динамики и децентрализации. Хотя элементы передвижения, такие как шествия и марши, существовали и в рамках статичных протестов, они, как правило, играли второстепенную роль, не будучи центральным элементом политической мобилизации. Однако с конца 2000-х годов в городе стали возникать «чисто» подвижные протестные практики, в которых протест не стремился к закреплению в одной точке, а строился вокруг постоянного движения в городском пространстве, подчеркивая не *место*, а *путь* как ключевую категорию протестной стратегии.

Первым примером такого рода стали «политические прогулки» по Северному проспекту, которые проводились после кровавых событий 1 марта 2008 года, когда власть запретила митинги на Площади Свободы. Эти движения происходили буквально напротив площади, заменяя собой статичную форму сбора — не собраться на месте, а двигаться по маршруту. Символично, что сам ландшафт города определял форму протеста: линейная структура проспекта порождала хождение, тогда как площадь традиционно предполагала стояние или сидение. Традиционные атрибуты протестного «стоящего» митинга были заменены на

альтернативные новые: вместо плакатов, которые полиция могла отобрать, протестные надписи, фотографии политзаключенных и т.п. были перенесены на майки «политических фланёров». Таким образом, участники превращались в ходячие плакаты.

Другой формой подвижного и рассредоточенного протеста стали акции «Мы платим 100 драм»¹ 2012 года, направленные против повышения стоимости проезда. Протестующие — в основном молодежь — рассредоточивались по маршрутным линиям, покрывавшим весь город, и убеждали пассажиров оплачивать проезд по старой цене. В отличие от централизованных митингов, здесь не было единого ядра: город был охвачен сетью мелких очагов сопротивления, действующих одновременно. Городская структура использовалась как транспортная и коммуникационная сеть, по которой распространялось протестное действие, не концентрируясь в какой-либо точке.

Особенно четко протест как *путь*, а не *место*, проявился в ходе «бархатной революции» 2018 года². Символическим началом стал марш Никола Пашиняна из Гюмри в Ереван, в котором буквально воплотилась идея лозунга «Сделай шаг». Пространственная и временная организация протестов в этот период принципиально отличалась от прежней практики. От статичных сборов и длительного присутствия на одной площади акцент сместился к высокомобильным, краткосрочным, но синхронизированным действиям. В то время как прежние протесты стремились закрепиться в «народном» центре, в 2018 году происходило децентрализованное движение: перекрытие улиц, смена точек, инициативы снизу. Тактика заключалась в постоянной смене локаций: одни участники перекрывали улицу, другие ждали, пока полиция освободит участок, чтобы сразу заблокировать новую улицу. Это делало протестную сеть непредсказуемой и оперативной. Информация распространялась через социальные сети, в частности страницу Пашиняна в Facebook³, где в реальном времени объявлялись новые координаты (об использовании социальных сетей в протестном движении см.: Karduni, Sauda 2020). Конечно, перекрытие транспортных магистралей было в арсенале протестных движений очень давно, причем это касалось не только внутригородских улиц, но даже железнодорожных магистралей (ср., например, протесты шахтеров в России в 1998 г.: Власов 2024), но особенностями протестов 2018 года были не только перенос места протестных акций и блокировка движения с целью привлечь внимание. Эти действия выходили за рамки классического протеста, превращаясь

¹ Драм (AMD) — армянская валюта, один евро равен немногим более 438 драм (на 05.06.2025).

² Подробнее о «бархатной революции» см.: (Григорян, 2018) и специальный выпуск журнала *Demokratizatsiya* (Demokratizatsiya 2018), посвященный этому событию.

* Принадлежит компании «Мета», деятельность которой запрещена на территории России.

³ О прямой и косвенной роли социальных медиа в «бархатной революции» см.: (Шагоян 2018; Abrahamian, Shagoyan 2018, p. 524 — 529).

в повседневные городские перформансы: перекрытия происходили не только баррикадами и транспортом, но и через коллективные действия — от народных танцев и волейбола до жарки шашлыков прямо на проезжей части. Эти действия были лишены единого центра и развивались как сетевая структура — гибкая, самоуправляемая, расширяющаяся за пределы прежних символических границ протестной активности.

Однако даже при всей децентрализации и подвижности протест не утратил своей связи с городскими площадями. Вечерние митинги по-прежнему играли роль символического подтверждения массовой поддержки, их численность визуализировалась с помощью съемок с дронов. Но теперь, в отличие от прежней «народной» Площади Свободы, итоговой точкой маршрутов становилась Площадь Республики — ранее ассоциируемая с властью. Этот выбор был неслучаен: во-первых, площадь была больше, во-вторых, от нее расходились шесть ключевых улиц, каждая из которых могла быть перекрыта. В то же время Площадь Свободы, находясь в глубине центра, оказалась топографически изолированной и не представляла транспортной угрозы. Таким образом, переход от «места» к «пути» в структуре протестной логики имел также пространственное измерение: Площадь Республики становилась не целью, а частью маршрута, расширяя протест из центра в стороны.

Здесь играет немаловажную роль то, как планировал Ереван Александр Таманян. Площадь власти архитектурно проектировалась им как центр, от которого радиально расходились улицы. Их-то фактически и перекрывали собиравшиеся на ежевечерние «отчеты», хотя перекрывание этого центрального «перекрестка» и не было их тактической целью. Для большого города, в который быстро перерос изящно задуманный Таманяном город-сад с населением сперва в 150, а затем в 300 тысяч жителей, радиально расходящиеся из центра улицы вряд ли могли обеспечить транспортную инфраструктуру. Так, пришлось прорезать город широкой улицей по направлению север — юг, нынешним проспектом Маштоца. Все эти улицы перекрывались во время протестных акций. Политическая власть связана с архитектурным проектированием в городской среде, но, несмотря на то что архитекторы, по верному замечанию Мишеля Фуко (Rabinow 1984, p. 247 — 248), пользуются меньшим влиянием в сфере властных отношений, чем другие ключевые фигуры¹, они должны понимать, что города не могут избегать уличных демонстраций и учитывать этот факт в процессе проектирования (Kowalewski, Ostrowski 2024). Именно рассмотренное смещение акцента — от фиксированной точки к мобильной траектории, от централизованного пространства к сетевому — стало ключевым элементом успеха «бархатной революции». Сетевой, децентрализованный

¹ Тоталитарная Культура Два, по определению Владимира Паперного, вроде бы является исключением в этом в целом верном наблюдении — см.: (Паперный 2007) о влиянии (а также злключениях) архитекторов, «пророков» и «жрецов» этой Культуры.

метод протестных движений, причем необязательно «бархатных» — например таких, как протесты в Гонконге в 2019–2020 годах (см.: Демиров, Пунченко 2022; Choi 2020; Дымова и др. 2025), — становится сегодня одним из действенных моделей протестов в структуре города. Показательно, что подражание этому методу при отсутствии вовлеченности большого количества не связанных партийными или иными организационными обязательствами участников обречено на неудачу, как это случилось в 2022 году в Ереване с антиправительственными акциями одной из оппозиционных партий, поскольку блокировки улиц осуществляли небольшие группы активистов, которые легко разблокировались полицией. Какова бы ни была цель урбанистических протестов, один лишь отказ от символического «места» в пользу стратегического «пути» недостаточен для успешности протеста. Он должен быть не только сетевым, но и массовым, охватывающим весь город, какую бы хитроумную структуру ни придал ему архитектор и его последователи или деконструкторы.

Исследование выполнено в рамках проекта №21AG-6C041 «Когнитивные, коммуникативные и семиотические механизмы формирования исторической памяти и национальной идентичности: трансдисциплинарный анализ армянского эпоса, историографии, городского пространства и политического дискурса», осуществляемого при финансовой поддержке Комитета по высшему образованию и науке РА в Российско-Армянском университете, Ереван.

Список источников и литературы

Абрамян, Л., 2003. Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении). *Acta Slavica Iaponica*, Т. XX, с. 25–49. [Abrahamian, L., 2003. Fighting with Monuments and Memory in the Post-Soviet Space (the case of Armenia). *Acta Slavica Iaponica*, vol. XX, pp. 25–49 (in Russ.)].

Абрамян, Л., 2010. Ереван: память и забвение в организации пространства постсоветского города. *Антропологический форум*, 12, с. 248–271. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_abramyan.pdf (дата обращения: 01.05.2025) [Abrahamian, L., 2010. Yerevan: Memory and Forgetting in the Organization of Post-Soviet Urban Space. *Forum for Anthropology*, 12, pp. 248–271. Available at: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_abramyan.pdf [Accessed 01 May 2025] (in Russ.)].

Абрамян, Л. А., 2023. «Звартноц, соединенный с Колизеем»: от Нардома Таманяна до Театра оперы и балета. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 3 (1), с. 32–61. [Abrahamian, L. A. 2023. “Zvartnots Conjoined with Colosseum”: From Tamanyan’s People’s House to the Theater of Opera and Ballet. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3 (1), pp. 32–61 (in Russ.)] [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(1\)-32-61](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(1)-32-61).

Баядян, Г., 2020. *Воображая прошлое: нарративы советского армянского модернизма*. Ереван. [Bayadyan, H., 2020. *Imagining the Past: Narratives of Soviet Armenian Modernism*. Yerevan, 288 p. (in Armenian)].

Власов, В., 2024. Перформативность протеста в России. Визуальные и пространственные изменения. *Deziign*. URL: https://deziign.com/project/6b0f3ae569194b14af5230158af12a5f?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 31.05.2025).

[Vlasov, V., 2024. Performativity of Protest in Russia. Visual and Spatial Changes. *Deziiign*. Available at: https://deziiign.com/project/6b0f3ae569194b14af5230158af12a5f?utm_source=chatgpt.com [Accessed 31 May 2025] (in Russ.)].

Григорян, С., 2018. *Армянская бархатная революция*. Ереван, 178 с. [Grigoryan, S., 2018. *The Armenian Velvet Revolution*. Yerevan, 178 p. (in Russ.)].

Демиров, В., Пунченко, В., 2022. Привкус цветных революций: Гонконг 2019 – один из самых цифровизированных протестов последних лет. URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/privkus-cvetnykh-revolyuciy-gonkong-2019-odin-iz-samykh-cifrovizirovannykh-protstov> (дата обращения: 28.05.2025). [Demirov, V. and Punchenko, V., 2022. *A Taste of Color Revolutions: Hong Kong 2019 – One of the Most Digitalized Protests in Recent Years*. Available at: <https://bisr.gov.by/mneniya/privkus-cvetnykh-revolyuciy-gonkong-2019-odin-iz-samykh-cifrovizirovannykh-protstov> [Accessed 28 May 2025] (in Russ.)].

Дымова, А.В., Золотайко, А.И., Чудинов, А.П., 2025. Протесты в Гонконге (2019–2020): конструирование образов полиции и протестующих в китайском интернет-дискурсе. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, 24 (2), с. 74–88. [Dymova, A.V., Zolotayko, A.I. and Chudinov, A.P., 2025. Hong Kong Protests (2019–2020): The Formation of the Police and Protesters Images in the Chinese Internet Discourse. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 24 (2), pp. 74–88 (in Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2025-24-2-74-88>, EDN: QUIMQJ.

Желнина, А., 2014. «Тусовка», креативность и право на город: городское публичное пространство в России до и после протестной волны 2011–2012 годов. *Stasis*, 2 (1), с. 260–295. [Zhelnina, A., 2014. “Tusovka”, Creativity and the Right to the City: Urban Public Space in Russia Before and After the 2011–2012 Protest Wave. *Stasis*, 2 (1), pp. 260–295 (in Russ.)] EDN: NZWEVV.

Лефевр, А., 2015. Производство пространства. М. [Lefebvre, A., 2015. *Production of Space*. Moscow, 432 p. (in Russ.)].

Лоу, С., 2024. Пространственное воплощение культуры. Этнография пространства и места. М., 236 с. [Low, S., 2024. *Spatial Embodiment of Culture. Ethnography of Space and Place*. Moscow, 236 p. (in Russ.)].

Нора, П., 1999. Между памятью и историей. Франция – память. СПб., с. 17–50. [Nora, P., 1999. Between Memory and History. In: *France – Memory*. St. Petersburg, pp. 17–50 (in Russ.)].

Паперный, В., 2007. *Культура Два*. М., 408 с. [Paperny, V., 2007. *Culture Two*. Moscow, 408 p. (in Russ.)].

Шагоян, Г., 2018. Скорость движения. *Hamatext*. 5 мая. URL: <http://hamatext.com/interviews/item/203-skorost-dvizheniya> (дата обращения: 01.08.2018). [Shagoyan, G., 2018. The Speed of Movement. In: *Hamatext*. 5 May. Available at: <http://hamatext.com/interviews/item/203-skorost-dvizheniya> [Accessed 1 August 2018] (in Russ.)].

Abrahamian, L., 1990a. Chaos and Cosmos in the Structure of Mass Popular Demonstrations. (The Karabakh Movement in the Eyes of an Ethnographer). *Soviet Anthropology & Archeology*, 29 (2), pp. 70–86.

Abrahamian, L., 1990b. Archaic Ritual and Theater: From the Ceremonial Glade to Theater Square. *Soviet Anthropology & Archeology*, 29 (2), pp. 45–69.

Abrahamian, L., 2001. Civil Society Born in the Square: The Karabagh Movement in Perspective. In: L. Chorbajian, ed. *The Making of Nagorno-Karabagh: From Secession to Republic*. Basingstoke, pp. 116–134.

Abrahamian, L., 2006. *Armenian Identity in a Changing World*. Costa Mesa, CA, 406 p.

Abrahamian, L., 2012. Yerevan: Memory and Forgetting in the Organization of Post-Soviet Urban Space. In: A. Baiburin, C. Kelly and N. Vakhtin, eds. *Russian Cultural Anthropology after the Collapse of Communism*. London; New York, pp. 254–275.

Abrahamian, L., 2018. Tamanyan's Yerevan Between Constructivism and Stalin Era Architecture. *KnE Social Sciences*, 3 (7), pp. 231 – 241, <https://doi.org/10.18502/kss.v3i7.2477>.

Abrahamian, L. and Shagoyan, G., 2018. Velvet Revolution, Armenian Style. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 26 (4), pp. 509 – 530.

Abrahamian, L. and Shagoyan, G., 2020. From Static to Mobile: Protest Movements in the Urban Structure, the Case in Yerevan. In: T. Darieva and C.S. Neugebauer, eds. *Urban Activism in Eastern Europe and Eurasia: Strategies and Practices*. Berlin, pp. 30 – 43.

Aghbalyan, G., 2017. King Vramshapouh Street? Yerevan Municipal Council Nixes Renaming of Four Streets. *Hetq. am*, 29 Nov. Available at: https://hetq.am/en/article/83930?utm_source=chatgpt.com [Accessed 3 June 2025].

Babayan, L., 2020. The Pubs of Yerevan as Spaces of Post-Soviet Transformation. *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*, 11 (1), pp. 24 – 35, <https://doi.org/10.46991/BYSU:F/2020.11.1.024>.

Bayadyan, H., 2007. The Changing Meaning of Urban Space in Yerevan. *Hetq.* 5 Nov. Available at: https://hetq.am/en/article/25503?utm_source=chatgpt.com [Accessed 22 May 2025].

Choi, S. Y., 2020. When protests and daily life converge: The spaces and people of Hong Kong's anti-extradition movement. *Critique of Anthropology*, 40 (2), pp. 277 – 282, <https://doi.org/10.1177/0308275X20908322>.

Cresswell, T., 1996. In *Place/Out of Place. Geography, Ideology, and Transgression*. Minnesota, 216 p.

Cresswell, T., 2004. *Place: A Short Introduction*. Malden, MA, 240 p.

Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization, 2018. Vol. 26 (4). Available at: <https://muse.jhu.edu/issue/39330> [Accessed 28 May 2025].

Dieterich, M., Martínez, D.O. and Nieswand, B., 2024. Re-name the Streets. Toponymic Struggles and Civic Belonging in Murcia (Spain) and Johannesburg (South Africa). *Ethnography*, 0 (0), pp. 1 – 20, <https://doi.org/10.1177/14661381241269638>.

Karduni, A. and Sauda, E., 2020. Anatomy of a Protest: Spatial Information, Social Media, and Urban Space. *Social Media + Society*, 6 (1), <https://doi.org/10.1177/2056305119897320>.

Kharatyan, L. and Shagoyan, G., 2022. *Memory Politics of the Republic of Armenia: 30 Years in Review*. Yerevan, pp. 1 – 24. Available at: https://ge.boell.org/sites/default/files/2023-05/kharatyan-shagoyan_eng.pdf [Accessed 28 May 2025]¹.

Kowalewski, M. and Ostrowski, M., 2024. Protests in Urban Environments: Review and Research Agenda. *Miscellanea Geographica – Regional Studies on Development*, 28 (3), pp. 127 – 131, <https://doi.org/10.2478/mgrsd-2023-0040>.

Low, S.M., 2000. *On the Plaza: The Politics of Public Space and Culture*. Texas, 296 p.

Malkasian, M., 1996. *"Gha-ra-bagh!" The Emergence of the National Democratic Movement in Armenia*. Detroit, 236 p.

Manucharyan, N., 2015. The Reflection of Communist Ideology in the Street Renaming Policy in Soviet Yerevan (1921 – 1939). *Analytical Bulletin of Armenian and Regional Studies*, 8, pp. 122 – 155.

Mitchell, D., 1995. The End of Public Space? People's Park, Definitions of the Public, and Democracy. *Annals of the Association of American Geographers*, 85 (1), pp. 108 – 113, <https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.1995.tb01797.x>.

Rabinow, P., 1984. *The Foucault Reader*. New York, 389.

¹ Фонд имени Генриха Бёлля по решению Генеральной прокуратуры РФ в 2022 году включен Министерством юстиции РФ в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Relph, E. C., 1976. *Place and Placelessness*. London, 172 p.

Sheller, M. and Urry, J., 2000. The City and the Car. *International Journal of Urban and Regional Research*, 24 (4), pp. 737–757, <https://doi.org/10.1111/1468-2427.00276>.

Vermishyan, H. and Michikyan, S., 2020. The Transformation of Urban Public Space of Post-Soviet Yerevan: The Case of Northern Avenue. *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*, 11 (1), pp. 3–15, <https://doi.org/10.46991/BYSU:F/2020.11.1.003>.

Wu, X., Lu, Yi., Wang, J. and Jiang, B., 2023. Built Environment in Urban Space Affect Protests: A Cross-Sectional Study in Hong Kong. *Sustainability*, 15 (17), 13096, <https://doi.org/10.3390/su151713096>.

Об авторах

Левон Амаякович Абрамян, кандидат исторических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Республики Армения, заведующий отделом культурной антропологии Института археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения.

E-mail: levon_abrahamian@yahoo.com

Гаяне Арутюновна Шагоян, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения, Ереван Армения.

E-mail: gayashag@yahoo.com

Для цитирования:

Абрамян Л. А., Шагоян Г. А. Статичность vs. мобильность: «пространство» и «место» городского текста (случай Еревана) // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №4. С. 151 – 168. doi: 10.5922/2225-5346-2025-4-8.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

STATICITY VERSUS MOBILITY: 'SPACE' AND 'PLACE' OF URBAN TEXT (THE CASE OF YEREVAN)

Levon H. Abrahamian, Gayane H. Shagoyan

Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences
of the Republic of Armenia,

15 Charents St., 0025, Yerevan, Armenia

Submitted on 01.05.2025

Accepted on 15.07.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-4-8

Any city holds hidden meanings associated with its history, intentional or unintentional plans of builders, representations of power and practices of residents, revealing archaic or pseudo-archaic elements in the city structure. The article focuses on Yerevan as a space of multiple symbolic layers, conflicts and re-significations. The authors trace how in the Armenian capital throughout the 20th and 21st centuries there was a deliberate displacement of some signs by others – from the demolition of religious and Soviet architectural objects to toponymic transformations. Analyzing examples of street renaming, the authors reveal how

ideological strategies are manifested both in state initiatives and in local commercial names. Particular attention is paid to protest movements (from 1988 to 2022), in which the street acts as a space for the articulation of collective subjectivity. Methodologically, the work draws on the semiotics of space, the anthropology of the city and the theory of representation (including Lefebvre), examining how material and symbolic practices conflict, coexist and shape 'place' in the anthropological sense. The article offers an interpretation of Yerevan as a living urban text, where each renaming and protest action is a struggle for the right to meaning.

Keywords: urban semiotics, Yerevan, spatial representation, protest movements, symbolic transformation, renaming, toponymy

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of project No. 21AG-6C041 "Cognitive, communicative and semiotic mechanisms of formation of historical memory and national identity: transdisciplinary analysis of the Armenian epic, historiography, urban space and political discourse," implemented with the financial support of the Committee on Higher Education and Science of the Republic of Armenia at the Russian-Armenian University, Yerevan.

The authors

Dr Levon H. Abrahamian, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Head of the Department of Cultural Anthropology, Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia.

E-mail: levon_abrahamian@yahoo.com

Dr Gayane H. Shagoyan, Leading Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia.

E-mail: gayashag@yahoo.com

To cite this article:

Abrahamian, L.H., Shagoyan, G.H., 2025, Staticity versus mobility: 'space' and 'place' of urban text (the case of Yerevan), *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 4, pp. 151–168. doi: 10.5922/2225-5346-2025-4-8.

